

корсар вынужден был покинуть Архипелаг и вояжировать по Европе. Независимость, как известно, дорого обходится.

Наконец, в 1794 году Качиони все-таки пригласили в Россию. Воссоединившись с семьей, он в начале октября прибыл в Херсон. 7 апреля указом императрицы была создана специальная комиссия, учрежденная для рассмотрения финансовых претензий и жалоб по его флотилии. Разумеется, объяснения бывшего корсара требовались, но едва ли его вернули только по этой причине. Вероятно, назревала новая война с Турцией, и Ламброс должен был находиться под рукой. Как было уже сказано, вскоре после его прибытия в юной Одессе на базе личного состава корсарской флотилии сформировали Греческий дивизион.

20 сентября 1795 года в Царском Селе на балу по случаю дня рождения цесаревича прибывший из Херсона "полковник Ламбро Качиони" был лично представлен императрице старшим по дежурству камергером князем А.А. Кольцовым-Масальским и допущен "к ручке". Тотчас же стало ясно, что "корсар в отставке" пребывает в явном фаворе.

Скоропостижная кончина императрицы, конечно, подорвала положение Качиониса, и уже 20 декабря 1796 года Павел I распорядился отправить его на Черноморский гробный флот, "в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу". В этом решении, впрочем, видится и здравый смысл: естественно, фантастически опытный военный мореход сделался бы тут колоссальной подмогой. Однако очередная турецкая кампания была отложена, и при таких обстоятельствах Ламброс не видел возможности проявить себя, всячески затягивал отъезд в захолустную тогда Одессу. Поводом оставаться в столице была не завершенная еще работа упомянутой комиссии по финансовым претензиям к его бывшей флотилии.

Когда в 1798 году деятельность комиссии закончилась, то оказалось, что не корсар задолжал казне, а как раз напротив. В результате Ламбросу выплатили огромную компенсацию (более 576 тысяч рублей!), а 31 декабря императорским указом подтверждалось его воинское звание полковника и старшинство в этом чине с 29 июля 1790 года. Еще раньше, 27 марта 1797 года, когда и так уже все стало ясно, Павел подарил ему перстень, подарок сопровождался запиской, где в самых лестных выражениях говорилось о благоклонности и уважении.

Когда осенью 1798 года эскадра Ушакова отправилась в Адриатическое море воевать с французами, Качионис вызвался на собственный кошт оборудовать крейсерский корабль и заняться любимым делом. Павел отреагировал живо и позитивно, ибо уже одно только имя "спартанского царя" воодушевило бы тысячи союзных повстанцев. Но пока Ламброс занимался оснаткой и вооружением своего судна, война завершилась. Ему не суждено было больше пиратствовать на средиземноморских просторах, и он обосновался в Тавриде, в пожалованных Екатериной поместьях. Здесь он прикупил у своих соплеменников еще одно урочище близ Ялты, где и обустроил усадьбу, названную именем родной Ливадии (Левадии). Успешный воин, Качионис преуспел и в делах торгово-промышленных, поставив на внутренний рынок и на экспорт соль из крымских озер, осетрину и белугу, сельскохозяйственную продукцию, в 1799 году основал фабрику по производству виноградной водки.

Знаменитый корсар ушел из жизни в 1805 году далеко не старым человеком. По поводу причины его смерти сложилось мнение об отравлении специально подосланным турецким лазутчиком-мстителем. Считают также, что перед смертью он успел заколоть отравителя кинжалом. Могила Качиониса в Крыму до настоящего времени не обнаружена. Правда, по одной из сомнительных версий, Качионис умер в Греции, где находился с некоей секретной миссией по сфабрикованным документам. На исторической родине его глубоко и небезосновательно чтят как народного героя. В аутентичной Ливадии установлен памятник, функционирует историческое общество, носящее его имя. Именно Качиониса не раз называли кораблями греческого военно-морского флота.

Несколько слов о родственном окружении Ламброса в Одессе. Его младший сын Александр (1804 года рождения) учился в Благородном институте, как раз в пору реорганизации одного в Ришельевский лицей. Выйдя из этого учебного заведения в 1819 году, служил в российской армии до 1827-го, затем жил и состоял в гражданской службе в Тавриде, за участие в Крымской кампании получил орден Святой Анны 2-й степени.

Анатолий ГОРБАТЮК

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА СТАРОЙ ГАЗЕТЫ...

Недавно мне подарили старую газету. Датирована она 10 ноября 1987 года и называется "Вечерняя Одесса", а в "подвале" последней (четвертой) полосы стоит подпись: "Редактор Б. Деревянко".

Практически вся четвертая полоса "Вечерки" посвящена откликом на статью Юрия Трусова "По неверной дороге".

Для читателя молодого, которому имя это мало что говорит, поясню: Юрий Сергеевич Трусов, скончавшийся в 1991 году в семидесятилетнем возрасте, — известный в то время одесский поэт и писатель. Особый интерес вызывала его книга "Падение Хаджибея", посвященная рождению нашего города. Правда, по прошествии времени, когда архивные материалы перестали быть прерогативой узкого круга специалистов, выясняется, что в трилогии далеко не все соответствует исторической правде.

Авторы откликов в газете на статью Ю. Трусова — выдающиеся краеведы, историки, непререкаемые авторитеты в вопросах исследования истории нашего города, о каждом из которых невозможно не сказать хотя несколько слов: Александр Иванович Третьяк, выдающийся историк и документалист, доцент Европейского университета; известнейший краевед и коллекционер открыток, гравюр, фотографий и архивных материалов по теме "Одессика", ветеран Великой Отечественной войны, ушедший от нас десять лет назад, Владимир Адамович Чарнецкий; неутомимый исследователь одесской старины, обладатель поистине энциклопедических знаний об Одессе, скромно подписавший свой отклик "Член бюро секции "Одессика", Олег Иосифович Губарь; член Союза журналистов СССР Владимир Георгиевич Николаев, известный редактор одесских газет, не раз смотревший смерти в глаза участник Великой Отечественной войны, скончавшийся весной 1990-го; Борис Абрамович Владимировский, кандидат искусствоведения, многолетняя гордость Одесского литературного музея, руководитель кино клуба, автор великолепных газетных статей, проживающий сегодня в США, но ни на день не прерывающий связей с родным городом...

Так что же заставило этих знаменитых одесситов поздней осенью 1987 года вступить в полемику с Юрием Сергеевичем Трусовым?

Ответ прост: все они встали на защиту Первого одессита, основателя нашего города Иосифа де Рибаса. И не только его: под уничтожительную, безжалостную критику Юрия Трусова так же неожиданно попали и Ришелье, и Ланжерон...

Самым удивительным (заметьте в скобках — и необъяснимым) является тот факт, что в своей книге Ю. Трусов к де Рибасу, если можно так выразиться, "претензий не имеет".

Нельзя не принять точку зрения А.И. Третьяка ("И вновь на тропинку"): "Ни русский адмирал де Рибас, ни тем более А.-Э. Ришелье, А.Ф. Ланжерон и М.С. Воронцов... не нуждаются в какой-либо защите...", а дело в "...гражданском и общественном самосознании одесситов наших дней..."

Довольно подробно А. Третьяк рассматривает выдвинутое Ю. Трусовым обвинение де Рибаса в нечестности. Вопрос, что называется, "с бородой", — как справедливо отмечает А. Третьяк, "...Одессе еще не было ни на одной карте мира, и даже место, где ей суждено было начать свое стремительное развитие, мыслилось более чем абстрактно, а у несуществующего города были уже противники". Отсюда — люта ненависть, в первую очередь, к де Рибасу со стороны графа Ф.В. Ростопчина, распускавшего клеветнические домыслы о главном основателе Одессы. Печально, что грязные эти сплетни становятся главными (если не единственным) доводом Ю. Трусова. Как утверждает Ростопчин, "Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко. Безнаказанность и дерзость достигли апогея... То, что крадет один только Рибас, превышает 500000 рублей в год. Он добился утверждения проекта сооружения порта... в Хаджибее, прозванном Одессой". Приведенную цитату из Ростопчина (на нее ссылается "обличитель" де Рибаса) в своей книге "Дитя Европы" я

панная бриллиантами... Возмущение В. Чарнецкого вполне понятно. "Как можно приводить высказывание Ростопчина, — недоумевает Владимир Адамович, — и не упоминать о том, что он был врагом идеи основания города на месте Хаджибея, врагом де Рибаса? Что основанию Одессы, вместо Очакова, мы обязаны "интригам" де Рибаса?..." В. Чарнецкий не оставляет без внимания и, мягко говоря, "неудовлетворение" Ю. Трусова происхождением Рибаса, Ришелье, Ланжерона — одни, мол, иностранцы. Впервые слышать в многонациональной Одессе, которую создавала вся Европа, подобное, и в последний ли раз возвращаемся мы к этой теме?...

Вернемся к "Зигзагу удачи" В.Г. Николаева. "Публицист Трусов выступает против писателя Трусова. Очень интересное явление в местной литературе!" — саркастически восклицает Владимир Георгиевич. "Были... в нашей фольклорной студенческой копилке" песни, думы, сказания о взятии Хаджибея, — рассказывает он далее, — и о героях боев с турками. Трубников, Головатый, Чепега, Белый — их добрым словом поминал народ, но часто поминал и де Рибаса,

Как Рибас свет Михайлович

Хаджибей воевал,

Хаджибей воевал, Бусурманов погнал..."

И продолжает: "Переименовывали улицу Дерибасовскую. Не получилось!.. Видно, сильна память народная. А в народе де Рибас... всегда слыл героем Хаджибея, первостроителем Одессы, храбрым, веселым и остроумным. Настоящим одесситом..."

Возвращаясь к теме "свои — чужие", Б. Владимировский подчеркивает, что у Ю. Трусова "чужие" — все подряд монархисты и аристократы (в качестве одной из самых страшных улик указывается родословная де Рибаса). "Свои" — сплошь республиканцы и демократы". Задается не слишком простой вопрос оппоненту: "Но как тогда быть с участием Суворова в разгроме польского восстания, в подавлении пугачевского мятежа?..." Далее идет цитата о "главном свидетеле обвинения" Ростопчине из дореволюционной энциклопедии: "Крайний консерватор и ревностный защитник крепостного права, нередко прибегал к насильственным, мало извинительным мерам". Вот это действительно довод. А чему удивляться: профессионал — он профессионал и есть...

Очень обидно, что прах выдающихся личностей, без участия которых Одесса бы просто не состоялась, лежит не в одесской земле. Я имею в виду и замечательного голландского инженера, ближайшего помощника де Рибаса Франца Павловича де Волана, по плану которого и построен наш удивительный город. Он умер в Санкт-Петербурге в 1818 году, пережив своего патрона на 18 лет, и похоронен в этом городе на Волковом лютеранском кладбище.

К сожалению, участники обсуждения статьи Ю. Трусова его даже не вспомнили, и это в какой-то мере объяснимо: замалчиваемое в годы советского лихолетья имя де Волана получило достойное звучание только в конце XX столетия, во многом благодаря уже покойному одесскому исследователю Н.Г. Глеб-Кошанскому, проводшему огромную работу в архивах Одессы и Санкт-Петербурга и показавшему истинное значение деятельности Франца Павловича во благо нашего города рождавщегося города. Организованный усилиями Николая Григорьевича музей Одесского морского порта носит имя де Волана.

Думается, что мы, одесситы, должны сделать все возможное, чтобы могилы де Рибаса и де Волана, несмотря на разделяющие нас кордоны и расстояния, всегда были в должном состоянии. С этой задачей при поддержке горисполкома вполне может справиться Всемирный клуб одесситов, тем более имея филиал в Санкт-Петербурге. Занимаясь реставрацией могилы де Рибаса (точнее, ее возрождением из небытия после варварского уничтожения) в 1989 году, я услышал немало достаточно едких замечаний по поводу того, что надгробная плита на могиле основателя Одессы никогда не видела принесенных цветов...

Вот такие мысли посетили меня поздней осенью 2010 года при чтении четвертой страницы старой одесской газеты...